УДК 811.161.1'42
ББК Ш141.12-51 *ГСНТИ 16.21.27* *Код ВАК 10.02.19*
DOI 10.26170/1999-2629_2021_03_17

Д. И. Иванов
Сианьский университет иностранных языков, Сиань, Китай
ORCID ID: 0000-0002-1492-0049 ☑

☑ ***E-mail:*** *Ivan610@yandex.ru.*

Социокогнитивная стратегия «социалистического гуманизма» как система репрессивных социальных действий

АННОТАЦИЯ. *Настоящая статья предлагает авторский вариант социокогнитивного моделирования репрессивного социального действия — одной из политических опор советского государства, укорененных в его политическом дискурсе. Актуальность подобного моделирования обусловлена как значимостью глубинного понимания общественных процессов, так и очевидной сложностью «коллективной памяти» социума, непрерывностью и нелинейностью идущих в нем процессов когнитивной реконструкции социальности. Источниками исследования являются авторитетные данные исторического и социологического характера («История ГУЛАГа») и документально-художественные тексты, надежность сведений которых общепризнанна (труды «лагерников» В. Т. Шаламова и А. И. Солженицына). Для обоснования авторской методологии привлекаются традиции «социологии знания» и современные междисциплинарные исследования. Общим опорным положением можно считать определяющую значимость когнитивных систем, конструирующих саму реальность различных социальных групп и социальное поведение. В статье на материале сталинской эпохи исследуется инструментально-операциональная стратегия социальной деятельности единичного / коллективного субъекта. Эта когнитивно-ментальная структура функционирует в рамках деструктивно-аффективной когнитивно-прагматической программы, основными принципами которой являются внутренняя противоречивость, догматизм, симулятивность, мифоидеологизация как внешней реальности, так и сознания субъекта социального действия. Симулятивный мифоидеологический виртуализм (двойственность) «социалистической гуманности» является единственным для политического сознания советского человека «корректным фильтром» определения реальности, его места, роли и когнитивно-ментального статуса в ней. «Обезличенный субъект» социального действия воспринимает «приказы» доминирующей когнитивно-прагматической программы как систему «социокогнитивных аксиом», обеспечивающих гармоничное функционирование всех социальных систем, само же социальное действие перекодируется. Так, репрессивное социальное действие воспринимается исполнителем «воли» программы как лучший способ укрепления социальной стабильности. Нами выделяются четыре группы репрессивных социальных действий: предупредительно-профилактические (агитация, самоконтроль, слежка, доносительство и др.); репрессивно-следственные (арест, комплекс следственных действий); репрессивно-трансформационные (принудительный труд в режиме «перековки» сознания); репрессивно-ликвидационные. Ни субъект, ни объект такого действия не являются источником социального поступка: они низведены до статуса «инструментов», выполняющих «волю» программы.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *социальные действия; когнитивно-прагматические программы; репрессивность; социокогнитивные стратегии; гуманизм; сталинская эпоха; сталинизм; политический дискурс.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: *Иванов Дмитрий Игоревич, кандидат филологических наук, доцент, профессор Института русского языка, Сианьский университет иностранных языков; 710128, КНР, Сиань, ул. Вэньюань Наньлу, кампус Чанань; e-mail: Ivan610@yandex.ru.*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Иванов, Д. И.* Социокогнитивная стратегия «социалистического гуманизма» как система репрессивных социальных действий / Д. И. Иванов // Политическая лингвистика. — 2021. — № 3 (87). — С. 173-183. — DOI 10.26170/1999-2629_2021_03_17.

ВВЕДЕНИЕ

Укрепляющийся статус когнитивной области знания как базового компонента различных гуманитарных и общественных наук связан прежде всего с осознанием универсальности широко понимаемой *когниции*, которая «не локализована исключительно в мозге, но распределена во времени, в пространстве, в культуре, в истории, в социуме» [Гурочкина 2018: 42] и в силу этого становится важнейшим «объяснительным планом» «человека исторического и социологического». В частности, социальные и политические представления в данном аспекте — не что иное, как когнитивные системы, идентифицирующие, организующие, конструирующие реальность «социальных групп, которая в свою очередь детерминирует социальное поведение» [Якимова 1996: 5]. Так, например, очевидны социокогнитивные причины «ползучей реставрации сталинизма» в современности — казалось бы, невозможной после масштабных разоблачений на всех уровнях, от авторитетной литературы («Архипелаг ГУЛАГ» А. И. Солженицына, «Колымские рассказы» В. Т. Шаламова) до государственной политики рубежа 1980—1990-х. Это и попытка облегчить тяжесть «коллективной вины» (ведь писались миллионы доносов), и проблема вписывания чрезвычай-

© Иванов Д. И., 2021

но травмирующих политических событий в структуру массовой и национальной идентичности, и обозначившееся уже в 1990-е гг. размывание (институциональное и ценностное) «социальных рамок памяти» в условиях новых общественных вызовов [см.: Иванова 2006: 4—6], и очевидная смена «идентификационных приоритетов» государства и его СМИ (давление на политическое сознание масс и манипуляции с ним), в значительной мере отвечающая осознанным и неосознанным массовым потребностям в смутное и тревожное время, и пассивность постсоветской «социальной адаптации», неактуальность «обратной связи», когда уставшие от общественных катаклизмов россияне «видят себя как социум по телевизору и сплачиваются в социум телевизором, почему и составляют „общество зрителей“» [Дубин 2004: 222]. Сложность «коллективной памяти» как важнейшего социокогнитивного механизма, обеспечивающего общественную солидарность, создающего с помощью «социальных рамок» базу для «органичной включенности человека в ткань социальной жизни», непрерывно идущая в общественном сознании реконструирующая когнитивная работа с языком, понятиями, образами (включающая в себя такие процессы, как выравнивание, акцентуация, ассимиляция, конвенционализация) [Емельянова 2019: 48—54] демонстрируют актуальность социокогнитивного моделирования для понимания общественных процессов.

Особенно это касается самого индивидуального/коллективного «социального действия», которое в аспекте такого моделирования мы рассматриваем как социально обусловленную когнитивно-ментальную интерактивную систему операций (субъекта-источника действия — субъекта-интерпретатора действия), формирующуюся на основе целевой, самоидентификационной и оценочной индексации реально производимого социального поступка. Относительно материала нашей статьи укажем, что вскрытый исторический массив таких «социальных поступков» («репрессивных социальных действий» эпохи сталинизма) в свое время потряс «проснувшееся» общественное сознание: «Сводная статистика НКВД СССР, учитывавшая смертность по всем лагерям, в том числе и по тем, которые были переданы из ГУЛАГа в непосредственное подчинение наркомату, рисует следующую картину смертности заключенных: 1935 г. — 32 659 (всего умерло человек) — 28 328 (умерло в лагерях) — 4331 (умерло в колониях и тюрьмах); 1936 г. — 26 479 (всего умерло человек) — 20 595 (умерло в лагерях) — 5884 (умерло в колониях и тюрьмах); 1937 г. — 33 499 (всего умерло человек) — 25 376 (умерло в лагерях) — 8123 (умерло в колониях и тюрьмах); 1938 г. — **126 585** (всего умерло человек) — **90 546** (умерло в лагерях) — **36 039** (умерло в колониях и тюрьмах)» [Иванова 2006: 205]. Однако эта огромная эмпирическая база оказалась очень избирательно включенной социумом в «коллективную историческую память» (действовавший многие десятилетия политический фактор селекции культурной памяти оставил слишком глубокий след в ней) и даже отчасти ненужной, лишней, что только увеличивает актуальность осмысления всей проблематики.

Репрессия как основной вид внутренней борьбы за торжество большевизма изначально находилась в центре нового политического дискурса, о чем свидетельствует, например, программная статья основателя Советского государства «Как организовать соревнование» (1917): «Тысячи форм и способов практического учета и контроля за богатыми, жуликами и тунеядцами должны быть выработаны и испытаны <…> Разнообразие здесь есть ручательство жизненности, порука успеха в достижении общей единой цели <…> В одном месте посадят в тюрьму десяток богачей, дюжину жуликов, полдюжины рабочих, отлынивающих от работы <…> В другом — поставят их чистить сортиры. В третьем — снабдят их, по отбытии карцера, желтыми билетами, чтобы весь народ, до их исправления, надзирал за ними, как за вредными людьми. В четвертом — расстреляют на месте одного из десяти, виновных в тунеядстве <…> Чем разнообразнее, тем лучше, тем богаче будет общий опыт, тем вернее и быстрее будет успех социализма…» [Ленин 1974: 204]. Проводя в рамках победившего политического дискурса сегрегацию «богатых, жуликов и тунеядцев» как социальных групп, по отношению к которым, в силу самой их природы, требуются всенародный надзор, «исправление», расстрел, Ленин, по сути, действует в рамках большевистской «политической формулы», определяющей рамки новой социальной структуры [см.: Лассвел 2006: 272], и прогнозирует неизбежное возникновение *системы репрессивных социальных действий*, легитимность которой должна опираться не только на госаппарат, но и инкорпорированную в сознание масс великую идею — «успех социализма». Ему виделся монолит, в котором «единственно верная» идеология, коллективная вера в социализм/коммунизм, пафос классовой борьбы и борьбы за «светлое будущее», партийно-государственный аппарат, «воспитание масс» и репрессия были бы

неразделимы и системно функционализированы. Задача облегчалась тем, что приобщение полуграмотных масс к литературному языку «состояло в приобщении — принудительном или добровольном — к политическому дискурсу, к административно-канцелярскому языку. Из этого смешения резкой сниженности и безграмотности с „престижными“ идеологическими кодами эпохи рождалась та гремучая смесь, которую наблюдали и описали лингвисты…» [Ревзина 2020: 109; см. подробней об этом: Чудакова 2007].

Политическое дискурсивное пространство сталинской эпохи (дискурсивное пространство — «пространство социального взаимодействия, вербализуемое средствами того или иного языка» [Казыдуб 2006: 242]) характеризуется тотальностью, а изначальная встроенность репрессии как неотъемлемой части нового политического дискурса в социальное бытие Советского государства и ее целенаправленная «инкорпорация» в сознание советского человека как нового социального типа ставят перед нами вопрос о когнитивной интерпретации и когнитивном моделировании репрессивного. Репрессивное мыслится нами как система социальных действий, базирующаяся на доминирующей идеологической программе и имеющая соответствующую социокогнитивную, ментальную проекцию в сознании носителей этой программы (в нашей терминологии — когнитивно-прагматической программы, КПП).

ИНСТРУМЕНТАЛЬНО-ОПЕРАЦИОНАЛЬНАЯ СТРАТЕГИЯ КАК СИСТЕМА СОЦИАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ

«Когнитивно-ментальный облик» каждой отдельной социально-исторической эпохи одновременно однотипен и уникален. Однотипность социальных процессов определяется их многократной повторяемостью, а уникальность тем, что каждое очередное «повторение» получает специфическую социокогнитивную интерпретацию и обладает различной (целевой, самоидентификационной, оценочно-аналитической) когнитивно-ментальной кодировкой. Подобная социокогнитивная пластичность «фрагментов социальной реальности» заставляет искать эффективные способы и инструменты системной когнитивно-ментальной идентификации актов социальной деятельности (системы социальных действий) субъекта на разных исторических этапах [см.: Плотинский 2001].

На наш взгляд, таким социокогнитивным идентификатором является специфическая когнитивно-ментальная структура, которую условно можно назвать инструментально-операциональной стратегией (ИОС) социальной деятельности единичного/коллективного субъекта (генератора социального действия). ИОС, понимаемая как «социокогнитивный проект (план реальных/потенциальных, внутренних (духовных) / внешних (социально обусловленных) действий) субъекта-источника, направленный на успешную реализацию одной/нескольких стратегических целей когнитивно-прагматической программы (КПП)» [Иванов 2019: 251], обладает двойственным когнитивно-ментальным статусом. С одной стороны, это самостоятельная социокогнитивная структура, которая является специфической зоной генерации и реализации всех социальных действий и интеракций «социологического субъекта». С другой, это частная когнитивно-ментальная подсистема общей доминирующей КПП, определяющей социокогнитивные характеристики как субъекта социального действия, так и всей социально-исторической эпохи, в пространстве которой это действие совершается. Достаточно широкий функциональный диапазон КПП (субъект действия — эпоха) обусловлен тем, что КПП («концептуальная матрица, опорная система когнитивно-прагматических установок (КПУ) (целевых, самоидентификационных (ролевых), инструментально-операциональных (ИОС) и оценочно-результативных (аналитических)), формирующаяся в пространстве когнитивного сознания отдельной личности / определенной социальной группы / нации / народа» [Иванов 2019: 252]) представляет собой целостный, динамический, социокогнитивный проект «социальной судьбы» не только субъекта действия, но и всей «социальной эпохи» в целом.

«СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ГУМАНИЗМ»: ДУАЛИЗМ И ТРАНСФОРМАЦИИ

Особый интерес в контексте изучения социокогнитивной специфики ИОС приобретают специфические стратегии с двойной когнитивно-ментальной кодировкой. Ярким примером реализации ИОС такого типа является сталинская стратегия «советского социалистического гуманизма», в рамках которой социализм и «истинный» гуманизм отождествлялись: «В течение многих лет практика социализма в общественном сознании была тождественна гуманизму. В таком понимании гуманизм означал общественную собственность на средства производства, централизованную плановую экономику, социалистическую демократию, социалистическое искусство, социалистическую мораль и полное отсутствие индивида» [Лученкова 2018: 274]. Более того — «для

индивида в подобных условиях и рамках нет универсальных определений» (личность, субъект); нет и неиерархической солидарности (отсюда подоплекой социума советского типа выступает тотальное недоверие); «это общество атомизированных индивидов <…> социальные рамки его памяти <…> деформированы, стерты или разрушены, — только так власть может обеспечить символическую интеграцию каждого индивида с воображаемым целым государства-державы и проч., равно как и чисто прагматическое повиновение индивида приказам сверху. Сама проблематика личного (так же как повседневно-бытового, интимного, конфликтного, неразрешимого, „психологического“ и т. п.) по идеологическим и практическим резонам вытесняется из публичного обихода» [Дубин 2010: 198, 200].

Очевидно, что нарочито-декларативное утверждение псевдоиндивидуальной природы «истинного» гуманизма («специфической парадигмы понимания истории и практики, где точкой отсчета является индивид. Гуманизм — это система защиты человека во всех предлагаемых обстоятельствах» [Лученкова 2018: 273]) и сознательный отказ от самоценной, свободной личности в пользу «обезличенного субъекта» социальной деятельности обусловлены принципами доминирующей на тот момент деструктивно-аффективной КПП, основными принципами которой являются внутренняя противоречивость, догматизм, симулятивность и предельная мифоидеологизация не только всех сфер внешней социокогнитивной реальности, но и сознания (мышления, эмоционального интеллекта, языка) субъекта социального действия [Иванов 2020: 105—114].

Важно, что сам процесс «растворения» (обезличивания) автоматизируется. Его истинная природа не осознается субъектом социального действия. Доминирующая деструктивно-симулятивная ОИС продолжает восприниматься как конструктивно-универсальный принцип «гуманизации» социалистической советской реальности. Постепенно это приводит, во-первых, к тотальной мифоидеологизации всех когнитивно-ментальных структур советского человека (истина и ложь (симулятивно-искаженная проекция истины) отождествляются). Во-вторых, ключевым социокогнитивным индикатором доминирующей стратегии социализации советского общества становится тотальный абстрактный виртуализм.

Под виртуализмом в данном случае понимается принципиальная концептуально-смысловая *раздвоенность*: а) *конкретной деструктивной практики социалистического гуманизма* и ее конструктивно-позитивной интерпретации / восприятия; б) *обезличенного субъекта действия*; в) *самой идеи гуманизации советского общества*. Е. С. Лученкова справедливо отмечает, во-первых, проявление раздвоенности «во всех сферах жизни: экономике, политике, искусстве и т. д. Например, раздвоенность в искусстве проявлялась в противостоянии социалистического реализма тем формам искусства, которые не вписывались в понятие партийной дисциплины. Во-вторых, был раздвоен человек. С одной стороны, это был „новый советский человек“, носитель качеств, описанных в „моральном кодексе строителя коммунизма“, с другой — живущий в реальной жизни с некоммунистическими проявлениями морали. В-третьих, был раздвоен гуманизм. С одной стороны — нормативный виртуальный социалистический гуманизм, с другой — гуманизм реальной жизни, существующий в самой жизни. Понимание виртуального социалистического гуманизма дает возможность увидеть отрыв конструкций от реальной жизни» [Лученкова 2018: 274].

Принципиальным здесь является то, что симулятивный мифоидеологический виртуализм «социалистической гуманности» носит программный характер. Он является своеобразной формой доминирующей КПП догматического типа. В этих условиях программный виртуализм становится единственным «корректным» (программно обусловленным) социокогнитивным фильтром, посредством которого советский человек постигает окружающую его социальную реальность и определяет в ней свое место, роль и когнитивно-ментальный статус.

Более того, виртуально-симулятивная природа «социалистического гуманизма» во многом определяет специфику внутренней структуры общей для сталинской эпохи социокогнитивной модели, которую условно можно назвать «моделью нулевого социального действия». В ее основе лежит комплекс специфических программных когнитивно-прагматических установок (КПУ), стимулирующих тотальное «социальное бездействие» всех исполнителей «воли» программы. *Первая установка*: вождь — партия (доминирующая программа) — народ едины. *Вторая установка*: воля партии должна стать волей народа. *Третья установка*: «классовая сознательность» должна стать ключевым принципом «социалистической морали». *Четвертая установка*: все реальные/потенциальные враги партии-народа-программы должны быть уничтожены. *Пятая установка*: служение идеям коммуни-

стической партии — долг каждого советского человека.

Подчеркнем, что концептуально-смысловым ядром каждой представленной установки является волевой импульс-приказ доминирующей программы. Однако «обезличенный субъект» социального действия воспринимает их как некую систему «социокогнитивных аксиом», обеспечивающих гармоничное функционирование всех социальных систем (семейных, личных и профессиональных отношений), строящихся по принципу «„я-программа“ едины — совершаемое мной социальное действие есть действие самой программы».

«РЕПРЕССИВНЫЙ ГУМАНИЗМ» КАК ПРОСТРАНСТВО ДЕСТРУКТИВИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ

Каждое социальное действие, реально/потенциально производимое субъектом в рамках виртуальной, симулятивной инструментально-операциональной стратегии «обезличенного гуманизма», становится своеобразном инструментом реализации «воли» программы. Одновременно с этим система социальных действий приобретает двойственную актуализацию: а) *виртуальную* (искусственную) — мифоидеологическую, «конструктивно-созидательную» (в действительности деструктивную); б) *реальную* (человеческую) — воспринимающуюся как нечто противоестественное, разрушающее «гармонию» псевдоидеальной социальной реальности.

При этом деструктивно-виртуальная проекция социального действия не просто воспринимается как конструктивно-результативная форма реализации социального поступка. Она стремится полностью «стереть», вытеснить человеческую реальность, превратив ее в систему социокогнитивных «программных сбоев (ошибок)». «Программными ошибками» в рамках «обезличенного гуманизма» становятся любые семейные, дружеские (личные) привязанности, чувство любви, преданности, искренности и всё, что имеет отношение к неидеологизированным формам этического и морального поведения личности. Ярким примером такой двойственной деструктивной трансформации является искажение ключевого для каждого человека понятия «долг» и перекодировка социального действия — «служение долгу совести». В пространстве доминирующей программы долг совести отождествляется с системой симулятивных проекций «партийно-идеологического долга» («долг-страх», «долг-подчинение», «долг-манипуляция», «долг-самопожертвование (самоуничтожение)): «„Долг“ здесь — проявление „сущностного я“ субъекта-механизма, отождествленное с „волей“ самой программы, и в то же время единый для всех носителей КПП деструктивно-манипулятивный инструмент контроля / подавления волевых и интеллектуально-аналитических интенций личности. Такой „долг“ искусственно формируется КПП в виде системы жестких когнитивно-прагматических установок. Под воздействием программы эти КПУ стандартизируются и схематизируются, теряя свою главную функцию — идентификации уникального „сущностного я“ субъекта, различения им „себя“ и „другого“» [Иванов 2020: 107—108].

В результате тотальной идеологизации всех социальных сфер общая стратегия «социалистического гуманизма» постепенно приобретает ярко выраженный деструктивный характер. «Обезличенная» программно обусловленная социокогнитивная модель советской гуманности из средства защиты прав и свобод «нового человека» превращается в инструмент «социальной защиты» доминирующей программы от реальных/потенциальных «врагов». Так псевдоиндивидуальная форма гуманизма превращается в «гуманизм репрессивный», который впоследствии перерос в «массовый террор» (тотальную борьбу власти-программы со своим народом): «Статистика политики репрессий отражает ее полный цинизм по отношению к человеческим жизням. Во внесудебном порядке с 1921 по 1953 г. было осуждено 4 060 306 чел. Из них приговорены к ВМН — 799 455, к ИТЛ — 2 631 397 чел. На 1937—1938 гг. приходится 1 344 923 репрессированных, из них приговорили к ВМН 681 692, к ИТЛ — 634 820 чел.» [Колева 2018: 133].

В условиях «репрессивного гуманизма», основанного на неразличении противоположных социокогнитивных механизмов «защиты» и «уничтожения», «врага» реального и «врага», искусственно созданного, статусом результативного («конструктивно-созидательного») социального действия наделяются прежде всего деструктивные, автоматические, симулятивно-манипулятивные реакции субъекта-программы [Иванова 2006: 158—164]. При этом сам процесс реализации репрессивных действий-интеракций воспринимается «обезличенным» субъектом / исполнителем «воли» программы как наиболее надежный способ укрепления социальной стабильности советского общества. К. К. Романенко справедливо замечает, что И. Сталин «прекрасно осознавал, что устойчивость государства в значительной степени зависит не только от мощи его армии, но и

от внутреннего состояния общества, нередко подверженного влиянию людей, представляющих социальную опасность» [Романенко 2012: 33].

Таким образом, репрессивное социальное действие — *предельно идеологизированная, аффективно-симулятивная, когнитивно-ментальная система мифодеструктивных реакций программы / исполнителей «воли» программы, направленная на человека с целью социокогнитивной перекодировки всех базовых подсистем его сознания (целевой, самоидентификационной и оценочно-результативной (аналитической)).*

ОСНОВНЫЕ ГРУППЫ РЕПРЕССИВНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ

Все социально значимые (с точки зрения доминирующей программы) действия-реакции, актуализированные в рамках реализации стратегии «репрессивного гуманизма», условно можно разделить на четыре основные группы.

Предупредительно-профилактические социальные действия. К этой группе относятся: а) явная/скрытая социально-политическая агитация; б) проявление политической (партийно-идеологической) бдительности; в) тотальный самоконтроль (социокогнитивная саморегламентация своего социального поведения); г) вербовка; д) наблюдение, слежка, анонимное доносительство. Достаточно точно специфику «конструктивной» реализации этих действий определил А. И. Солженицын: «Вербовка — в самом воздухе нашей страны. В том, что государственное выше личного. В том, что Павлик Морозов — герой. В том, что донос не есть донос, а *помощь* тому, на кого доносим» [Солженицын 2010: 259]. Общая целевая направленность этого типа «репрессивных действий» сводится: а) к поддержанию «общеманипулятивного режима» социализации субъекта действия; б) к своевременному выявлению и пресечению любых «враждебных» антисоциальных поступков, желаний, психоэмоциональных состояний человека, которые реально/потенциально дискредитируют/дестабилизируют идеологическую целостность доминирующей КПП.

Репрессивно-следственные социальные действия. К этой группе действий можно отнести: а) арест; б) комплекс следственных действий. Заметим, что сам процесс следствия в рамках стратегии «репрессивного гуманизма» превращается в систему деструктивных, четко регламентированных программой инструментов подавления воли человека. К «простейшим приемам» (выражение А. И. Солженицына) воздействия на подследственного (человека, дискредитированного программой / исполнителями ее «воли») можно отнести следующие: многократные ночные допросы; «убеждение в искреннем тоне»; «грубая брань»; «удар психологическим контрастом»; «унижение предварительное»; «запугивание»; «ложь»; «игра на привязанности к ближним»; звуковое воздействие; световое воздействие; «карцеры» / «специализированные боксы, в которых подследственный может только стоять»; пытка бессонницей; голод; «избиение, не оставляющее следов» [Солженицын 2010: 58—61]. Целью всех представленных действий является «торжество репрессивного правосудия» (получение признательных показаний обвиняемого, которое является главным и неоспоримым доказательством его вины, и вынесение приговора).

Репрессивно-трансформационные социальные действия. Ключевым социорепрессивным действием этого типа является принудительный (рабский) труд заключенных концентрационных (исправительно-трудовых) лагерей. Цель этого действия определена доминирующей программой предельно точно: «Труд есть дело чести, дело славы, дело доблести и геройства» (этот лозунг «украшал» фронтоны всех лагерных зон). «Героический»-«доблестный»-рабский труд должен был стать эффективным средством социокогнитивной «перековки» «врага народа» в «честного советского труженика». Вот как об этом в письме к начальнику Дмитровского лагеря С. Г. Фирину пишет М. Горький: «Мы начинаем понимать труд как избавителя от всех несчастий, глупостей, подлостей жизни, и мы стремимся сделать его легким, праздничным. Вы, создающие дело такой огромной важности, каков будет канал Москва — Волга, можете гордиться успехами вашей прекрасной работы, а я, верный товарищ всех людей честного труда, который изменяет мир, я горжусь и радуюсь, видя, как этот труд на счастье родины перевоспитывает вас» (цит. по: [Иванова 2006: 172]).

Репрессивно-ликвидационные социальные действия. В данном контексте речь идет прежде всего о «высшей форме социальной защиты» — расстреле. Этот тип социально-репрессивного действия включает в себя два основных этапа: а) «когнитивно-ментальная подготовка» к исполнению приговора (ожидание расстрела); б) приведение приговора в исполнение (расстрел). На стадии «подготовки» к расстрелу смертник сталкивается с «холодом, голодом, теснотой, духотой, длительным ожиданием смерти» [Солженицын 2010: 142], которые становятся своеобразными инструментами окон-

чательного подавления воли человека. В результате на стадии приведения приговора в исполнение человек полностью обессилен. Он сломлен и безразличен к своей судьбе: «Убить себя человек дает почти всегда покорно. Отчего так гипнотизирует смертный приговор? Чаще всего помилованные не вспоминают, чтоб в их смертной камере кто-нибудь сопротивлялся» [Солженицын 2010: 143]. Целью этих репрессивных действий является физическое устранение реальных/потенциальных «врагов». Причем расстрел идентифицируется программой и как форма собственного самоутверждения (демонстрация силы и власти над человеком), и как способ устрашения рядовых членов общества.

СУБЪЕКТНО-ОБЪЕКТНАЯ СТРУКТУРА РЕПРЕССИВНОГО СОЦИАЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ

Каждое репрессивное социальное действие имеет сложную субъектно-ролевую организацию. Так, А. И. Солженицын, рассматривая субъектно-объектную структуру реализации репрессивной стратегии в пространстве «лагерной машины» (ГУЛАГ), выделяет два типа субъекта действия: а) «те, кто едут на Архипелаг управлять» (офицеры МВД / сотрудники НКВД); б) «те, кто едут на Архипелаг охранять» (советские люди, призванные на военную службу в войска МВД). Объектом репрессивного социального действия (по Солженицыну) становятся «те, кто едут на Архипелаг умирать» (советские люди, признанные «системой» «врагами народа», «изменниками родины», «вредителями», «террористами» и т. д.) [Солженицын 2010: 25].

Принципиальным является то, что представленные А. И. Солженицыным формы функционирования субъекта/объекта социального действия обезличены. Функциональные характеристики не принадлежат субъекту действия, а только приписываются ему. Причем функциональная принадлежность, определяющая когнитивно-ментальный статус и роль субъекта-механизма в системе социальных действий-реакций, крайне нестабильна. Тот, кто был призван программой управлять/охранять, может быть в любой момент отправлен умирать. А. И. Солженицын справедливо замечает: «Однако судьба роковая — сесть самим, не так уж редка для голубых кантов, настоящей страховки от нее нет, а нижний ум говорит: редко когда, редко кого, меня минует, да и свои не оставят <…> всем рискуют те гебисты, кто попадают в *поток* (и у них свои потоки!..). Поток — это стихия, это даже сильнее самих Органов, и тут уж никто тебе не поможет, чтобы не быть и самому увлеченному в ту же пропасть. Потоки рождались по какому-то таинственному закону обновления Органов — периодическому малому жертвоприношению, чтоб оставшимся принять вид очищенных. <…> И короли Органов, и тузы Органов, и сами министры в звездный назначенный час клали голову под свою же гильотину. Один косяк увел за собой Ягода. Вероятно, много тех славных имен, которыми мы ещё будем восхищаться на Беломорканале, попали в этот косяк, а фамилии их потом вычеркивались из поэтических строчек» [Солженицын 201: 72]. Это обусловлено тем, что управление, обеспечение собственной безопасности (охрана) и уничтожение (смерть) являются ключевыми компонентами когнитивно-ментальной карты самой программы. При этом каждый из них становится не только специфической функциональной формой осуществления действия, но и зоной генерации репрессивных социальных действий, которые «обезличенный» субъект выполняет автоматически.

В этих условиях ключевым программным инструментом «продуктивной» социализации личности становится аффективно-симулятивный принцип функциональной мифоидеологической псевдоидентификации. Сущность этого прицип предельно проста: а) человек — это функциональная проекция программы; б) качество функциональной идентификации субъекта определяется уровнем идеологического соответствия человека принципам доминирующей программы (чем выше уровень идеологического соответствия, тем выше «функциональный статус» «личности», и наоборот).

Иначе говоря, ни субъект, ни объект социального действия не являются источником социального поступка, так как они просто «инструменты», выполняющие «волю» программы. Поэтому полная социокогнитивная модель субъектно-объектной структуры реализации социального действия состоит из трех взаимосвязанных компонентов: а) источник социального действия (доминирующая программа); б) субъект-исполнитель социального действия (те, кто «управляет» / «охраняет»); в) объект социального действия (те, кто «умирает» (т. е. на кого направлено репрессивное социальное действие)).

СОЦИОКОГНИТИВНАЯ ИНДЕКСАЦИЯ РЕПРЕССИВНОГО СОЦИАЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ «ПРИНУЖДЕНИЕ К РАБСКОМУ ТРУДУ»

Каждый тип субъекта, участвующий в реализации социального действия, проводит его

социокогнитивную индексацию. Каждый акт «репрессивного гуманизма» индексируется по трем когнитивно-ментальным основаниям: а) целевому; б) самоидентификационному; в) оценочно-результативному. Рассмотрим конкретный пример индексации репрессивного социального действия «принуждение к тяжелому рабскому труду».

Источник социального действия (доминирующая программа). Целевая социокогнитивная индексация. «Трудотерапия» превращается в универсальный инструмент конструктивной социализации личности, обеспечивающий «морально-идеологическое» здоровье советского общества («Труд есть дело чести, дело славы, дело доблести и геройства»).

Самоидентификационная социокогнитивная индексация. Только «героический» / «доблестный» труд является эффективным средством, стимулирующим процесс когнитивно-ментального роста личности («Труд превратил обезьяну в человека»; «Труд создал человека» (Ф. Энгельс)). «Облагораживающий труд» помогает человеку «переродиться» (труд — важнейший инструмент социокогнитивной «перековки» «врага народа» в «настоящего человека», «честного советского труженика»).

Оценочно-результативная социокогнитивная индексация. Ключевым фактором оценки трудовой деятельности является его результативность («Каждому по труду» (А. Сен-Симон)). Трудовая цель, поставленная партией-народом-программой, должна быть достигнута. Каждый «трудовой подвиг», наполненный «пафосом созидания», является символом «несгибаемой воли коммунистической партии», которая ведет советский народ к «светлому будущему». Так, «летом 1933 г. по инициативе А. М. Горького 120 писателей из Москвы, Ленинграда, Украины, Белоруссии и Средней Азии совершили экскурсионную прогулку по только что построенному Беломорско-Балтийскому каналу им. Сталина. Не покидая палубы теплохода, они знакомились с гидротехническими сооружениями, а заодно и с их строителями — заключенными, с которыми на глазах у местного начальства завязывали „доверительные“ беседы, перегнувшись при этом через борт судна. Нет ничего удивительного в том, что „нанятые“ писатели не услышали стонов и проклятий умирающих, не увидели искалеченных и больных. Состраданию нет места в сердце советского литератора. Гораздо важнее — почувствовать „пафос созидания“, суметь разглядеть в рабском труде „геройство и энтузиазм“. Пресса с восторгом освещала поездку писателей. Газета „Литературный Ленинград“ писала: „Весь этот маршрут таит в себе неисчерпаемый арсенал поэм, романов, повестей и пьес — о несгибаемой воле большевистской партии, о чекистах, умеющих не только карать, но и воспитывать, о людях, которые были искалечены капиталистической мясорубкой и которые переделывались большевиками, преображая сумрачную страну лесов и озер“» [цит. по: Иванова 2006: 171].

Субъект-исполнитель социального действия (те, кто «управляет» / «охраняет»). Целевая социокогнитивная индексация. Установленный государством трудовой план (норма) должен быть выполнен любыми способами и в любых условиях (шестнадцатичасовой рабочий день, отсутствие выходных, голод, холод, примитивные орудия труда, отсутствие теплой одежды, высокая смертность «тружеников»-рабов («доходяг-лагерников»): «В лагере для того, чтобы здоровый молодой человек, начав свою карьеру в золотом забое на чистом зимнем воздухе, превратился в доходягу, нужен срок по меньшей мере от двадцати до тридцати дней при шестнадцатичасовом рабочем дне, без выходных, при систематическом голоде, рваной одежде и ночевке в шестидесятиградусный мороз в дырявой брезентовой палатке, побоях десятников, старост из блатарей, конвоя» [Шаламов 1998а: 85].

Самоидентификационная социокогнитивная индексация. Аффективно-симулятивное преувеличение собственной значимости (деструктивно-демонстративное поведение, отождествление себя с доминирующей программой, исполнителем «воли» которой он является). Морально растленный властью и вседозволенностью человек начинает воспринимать себя «божеством», вершителем человеческих судеб: «Начальник приучается в лагере к почти бесконтрольной власти над арестантами, приучается смотреть на себя как на бога, как на единственного полномочного представителя власти, как на человека высшей расы» [Шаламов 1998б: 142].

Оценочно-результативная социокогнитивная индексация. Ключевым фактором, определяющим уровень результативности деятельности управляющего/охраняющего субъекта репрессивного действия, является формальное, зачастую основанное на фабрикации, подлоге и искажении фактов, сообщение-доклад о том, что задача, поставленная государством, выполнена, «трудовой подвиг» совершен.

Объект социального действия (те, кто «умирает» (те, на кого направлено репрессивное социальное действие)). *Целевая со-*

циокогнитивная индексация. Единственным способом выжить там, где выжить было невозможно, для «лагерника» становится поиск любых возможностей избежать («откосить») от непосильного рабского труда даже путем членовредительства и самоубийства (см.: [Шаламов 1998с: 46—47]). В результате главной его целью становится не сохранение жизни, а освобождение от уничтожающей человека трудовой повинности: «Можно ли славить физический труд из-под палки — палки вполне реальной, палки отнюдь не в переносном смысле как некий род тонкого духовного принуждения. <…> И не есть ли восхваление такого труда худшее унижение человека, худший вид духовного растления? Лагерь может воспитать только отвращение к труду <…> В лагерях нет ничего хуже, оскорбительнее смертельно-тяжелой физической подневольной работы» [Шаламов 1999: 227].

Самоидентификационная и оценочно-результативная социокогнитивная индексация. Труд в сознании «лагерника» превращается в деструктивный социокогнитивный инструмент, «стирающий» его «сущностное я». Когнитивно-ментальная деградация человека, пораженного во всех правах и помещенного в нечеловеческие условия лагеря, происходит очень быстро. Объект репрессивного воздействия теряет способность к адекватной самоидентификации. Сам того не замечая, он замыкается на «отсутствии» «себя-в-себе». Это делает его эгоистичным, жестоким, трусливым, равнодушным и постепенно приводит к полному распаду личности: «Каждая минута лагерной жизни — отравленная минута <…> Заключенный приучается там ненавидеть труд — ничему другому и не может он там научиться. Он обучается там лести, лганью, мелким и большим подлостям, становится эгоистом <…> Моральные барьеры отодвинулись куда-то в сторону. <…> Скептицизм — это еще хорошо, это еще лучшее из лагерного наследства. Он приучается ненавидеть людей. Он боится — он трус <…> Он раздавлен морально. Его представления о нравственности изменились, и он сам не замечает этого» [Шаламов 1998б: 147].

ВЫВОДЫ

В сталинской социокогнитивной стратегии «советского социалистического гуманизма» социализм и «истинный» гуманизм отождествлены по модели деструктивно-аффективной КПП, основными принципами которой являются внутренняя противоречивость, догматизм, симулятивность, мифоидеологизация как внешней реальности, так и сознания субъекта социального действия. Им не осознается истинная природа этого автоматизированного обезличивающего процесса. Симулятивный мифоидеологический виртуализм (двойственность) «социалистической гуманности» носит программный характер и является единственным для советского человека «корректным» социокогнитивным фильтром определения реальности, своего места, роли и когнитивно-ментального статуса в ней. «Обезличенный субъект» социального действия воспринимает «приказы» доминирующей КПП как систему «социокогнитивных аксиом», обеспечивающих гармоничное функционирование всех социальных систем (семейных, личных и профессиональных отношений), при этом внутренне противоречивая (раздвоенная на «виртуальное» и «реальное») КПП стремится в целях собственной безопасности вытеснить собственно человеческую реальность, превратив ее в систему социокогнитивных «программных сбоев (ошибок)», отождествить себя с личностью своего носителя; само же социальное действие, и в первую очередь опорное для личности (например, связанное с понятием «долг»), перекодируется. Репрессивное социальное действие воспринимается «обезличенным» субъектом / исполнителем «воли» программы как наиболее надежный способ укрепления социальной стабильности.

Можно выделить четыре основные группы репрессивных социальных действий: предупредительно-профилактические (агитация, самоконтроль, слежка, доносительство и др.); репрессивно-следственные (арест, комплекс следственных действий); репрессивно-трансформационные (принудительный труд в режиме «перековки» сознания); репрессивно-ликвидационные. Каждое репрессивное социальное действие имеет сложную субъектно-ролевую организацию, однако ни субъект, ни объект такого действия не являются источником социального поступка, так как они просто «инструменты», выполняющие «волю» программы. Каждый акт «репрессивного гуманизма» индексируется субъектом по трем когнитивно-ментальным основаниям: а) целевому; б) самоидентификационному; в) оценочно-результативному.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дубин, Б. В. Массовые коммуникации и коллективная идентичность / Б. В. Дубин. — Текст : непосредственный // Интеллектуальные группы и символические формы: очерки социологии современной культуры / Б. В. Дубин. — Москва : Новое издательство, 2004. — С. 217—231.

2. Дубин, Б. В. О невозможности личного в советской культуре (проблемы автобиографирования) / Б. В. Дубин. — Текст : непосредственный // Классика, после и рядом: социологические очерки о литературе и культуре : сб. статей / Б. В. Дубин. — Москва : Новое литературное обозрение, 2010. — С. 197—207.

3. Гурочкина, А. Г. Соотношение понятий «когниция» и «познание» А. Г. Гурочкина. — Текст : непосредственный // Studia linguistica. — 2018. — № 27. — С. 38—44.

4. Емельянова, Т. П. Коллективная память о событиях отечественной истории: социально-психологический подход / Т. П. Емельянова. — Москва : Институт психологии РАН, 2019. — 299 с. — Текст : непосредственный.

5. Иванова, Г. М. История ГУЛАГа, 1918—1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты / Г. М. Иванова ; Ин-т рос. истории РАН. — Москва : Наука, 2006. — 438 с. — Текст : непосредственный.

6. Иванов, Д. И. Теория когнитивно-прагматических программ / Д. И. Иванов ; Гуандунский ун-т междунар. исследований (Китай). — Иваново : ПресСто, 2019. — 312 с. — Текст : непосредственный.

7. Иванов, Д. И. «Долг» советского человека: опыт реконструкции понятия (на материале кинотекста) / Д. И. Иванов. — Текст : непосредственный // Социологические исследования. — 2020. — № 2. — С. 105—114.

8. Казыдуб, Н. Н. Дискурсивное пространство как фрагмент языковой картины мира (теоретическая модель) : моногр. / Н. Н. Казыдуб. — Иркутск : ИГЛУ, 2006. — 216 с. — Текст : непосредственный.

9. Колева, Г. Ю. Логика репрессий конца 1930-х гг. В пределах бывшей Тобольской губернии / Г. Ю. Колева. — Текст : непосредственный // Вестник Томского государственного университета. — 2018. — № 437. — С. 124—135.

10. Лассвелл, Г. Язык власти / Г. Лассвелл. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2006. — № 20. — С. 264—280.

11. Ленин, В. И. Как организовать соревнование / В. И. Ленин. — Текст : непосредственный // Полн. собр. соч. : в 55 т. / В. И. Ленин. — Изд. 5. — Москва : Политиздат, 1974. — Т. 35.— С. 202—215.

12. Лученкова, Е. С. Гуманистические идеи марксизма и их несостоятельность в период строительства социализма / Е. С. Лученкова. — Текст : непосредственный // Маркс и марксизм в контексте современности : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 200-летию со дня рождения К. Маркса (1818—1883), Минск, 26—27 апр. 2018 г. / Белорус. гос. ун-т. — Минск : БГУ, 2018. — С. 273—275.

13. Плотинский, Ю. М. Модели социальных процессов : учебное пособие для высших учебных заведений / Ю. М. Плотинский. — Москва : Логос, 2001. — 296 с. — Текст : непосредственный.

14. Ревзина, О. Г. Язык и текст : моногр. / О. Г. Ревзина. — Москва : МАКС Пресс, 2020. — 560 с. — Текст : непосредственный.

15. Романенко, К. К. Спасительный 1937-й. Как закалялся СССР / К. К. Романенко. — Москва : Яуза-пресс, 2012. — 288 с. — Текст : непосредственный.

16. Солженицын, А. И. Архипелаг ГУЛАГ, 1918—1956: опыт художественного исследования / А. И. Солженицын. — Москва : Просвещение, 2010. — 512 с. — Текст : непосредственный.

17. Чудакова, М. О. Новые работы. 2003—2006 / М. О. Чудакова. — Москва : Время, 2007. — 557 с. — Текст : непосредственный.

18. Шаламов, В. Т. Татарский мулла и чистый воздух / В. Т. Шаламов. — Текст : непосредственный // Собрание сочинений : в 4 т. — Москва : Художественная литература : Вагриус, 1998a. — Т. 1. — С. 84—90.

19. Шаламов, В. Т. Красный крест / В. Т. Шаламов. — Текст : непосредственный // Собрание сочинений : в 4 т. М. : Художественная литература, Вагриус, 1998b. — Т. 1. — С. 141—148.

20. Шаламов, В. Т. Сухим пайком / В. Т. Шаламов. — Текст : непосредственный // Собрание сочинений в четырех томах. — Москва : Художественная литература : Вагриус, 1998c. — Т. 1. — С. 46—47.

21. Шаламов, В. Т. Письмо к А. И. Солженицыну / В. Т. Шаламов. — Текст : непосредственный // Досье на цензуру. Страна и ее заключенные. — 1999. — № 7/8. — С. 274—279.

22. Якимова, Е. В. Теория социальных представлений в социальной психологии. Дискуссии 80—90-х годов / Е. В. Якимова. — Москва : ИНИОН, 1996. — 115 с. — Текст : непосредственный.

D. I. Ivanov
Xi'an International Studies University, Xi'an, PRC
ORCID ID: 0000-0002-1492-0049 ☑

☑ ***E-mail:*** *Ivan610@yandex.ru.*

Socio-Cognitive Strategy of “Socialist Humanism” as a System of Repressive Social Actions

ABSTRACT. *This article presents an authored version of socio-cognitive modeling of repressive social action – as one of the political pillars of the Soviet state, rooted in its political discourse. The urgency of such modeling can be attributed both to the importance of a deep understanding of social processes and the obvious complexity of the “collective memory” of society and the continuity and non-linearity of cognitive reconstruction processes that go on. The sources of the research include reliable data of historical and sociological nature (“The GULAG History”) and documentary and fiction texts the reliability of which is universally recognized (the works of the former GULAG prisoners V. Shalamov and A. Solzhenitsyn). The author substantiates his methodology by turning to the traditions of the “sociology of knowledge” and modern interdisciplinary research. The marked significance of cognitive systems that construct the very reality of various social groups and kinds of social behavior can be considered as general supporting principle. Based on the material of Stalin’s era, the article explores the instrumental-operational strategy of the social activity of a single or collective subject. This cognitive-mental structure operates within the framework of a destructive-affective cognitive-pragmatic program, the main principles of which are internal inconsistency, dogmatism, simulation, mytho-ideologization of both external reality and the consciousness of the subject of social action. Simulative mytho-ideological virtualism (duality) of “socialist humanism” is the only “correct filter” for the political consciousness of the Soviet person for defining reality, their place, role and cognitive-mental status in it. The “depersonalized subject” of social action perceives the “orders” of the dominant cognitive-pragmatic program as a system of “socio-cognitive axioms” that guarantee harmonious functioning of all social systems. The social action itself is recoded. Thus a repressive social action is perceived by the performer of the “will” of the program as the best way to strengthen social stability. The author distinguishes four groups of repressive social actions: preventive-prophylactic action (agitation, self-control, surveillance, informing, etc.); repressive-investigative action (arrest, complex of investigative actions); repressive-transformational action (forced labor in the mode of “remoulding” of consciousness); and repressive-liquidation action. Neither the subject nor the object of such an action is a source of social action, since they are reduced to the status of “tools” that fulfill the “will” of the program.*

KEYWORDS: *social activities; cognitive-pragmatic programs; repression; socio-cognitive strategies; humanism; Stalinist epoch; Stalinism; political discourse.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Ivanov Dmitriy Igorevich, Ph.D. in Philology, Associate Professor, Professor of the Institute of Russian Studies, Xi'an International Studies University, Xi'an, PRC.*

FOR CITATION: *Ivanov, D. I.* Socio-Cognitive Strategy of "Socialist Humanism" as a System of Repressive Social Actions / D. I. Ivanov // Political Linguistics. — 2021. — No 3 (87). — P. 173-183. — DOI 10.26170/1999-2629_2021_03_17.

REFERENCES

1. Dubin, B. V. Mass communications and collective identity // Dubin B. V. Intellectual groups and symbolic forms: Essays on the sociology of modern culture. — Moscow : New publishing house, 2004. P. 217—231. [Massovye kommunikatsii i kollektivnaya identichnost' // Dubin B. V. Intellektual'nye gruppy i simvolicheskie formy: Ocherki sotsiologii sovremennoy kul'tury. — Moscow : Novoe izdatel'stvo, 2004. S. 217—231.] — (In Rus.)

2. Dubin, B. V. On the impossibility of the personal in Soviet culture (problems of autobiography) // Dubin B. V. Classics, after and near: Sociological essays on literature and culture. Collection of articles. — Moscow : New literary review, 2010. P. 197—207. [O nevozmozhnosti lichnogo v sovetskoi kul'ture (problemy avtobiografirovaniya) // Dubin B. V. Klassika, posle i ryadom: Sotsiologicheskie ocherki o literature i kul'ture. — Moscow : Novoe literaturnoe obozrenie, 2010. S. 197—207.] — (In Rus.)

3. Gurochkina, A. G. Cognition and Knowledge: Correlation of Notions // Studia linguistica. 2018. No. 27. P. 38—44. [Sootnoshenie ponyatii kognitsiya i poznanie // Studia linguistica. 2018. № 27. S. 38—44.] — (In Rus.)

4. Emelyanova, T. P. Collective Memory of Events In Russian History: a Socio-Psychological Approach. — Moscow : Institute of psychology of the Russian Academy of Sciences, 2019. 299 p. [Kollektivnaya pamyat' o sobytiyakh otechestvennoi istorii: sotsial'no-psikhologicheskii podkhod. — Moscow : Institut psikhologii RAN, 2019. 299 s.] — (In Rus.)

5. Ivanova, G. M. History of the Gulag, 1918—1958: Socio-Economic and Political-Legal Aspects. In-t of Russian History of the Russian Academy of Sciences. — Moscow : Science, 2006, 438 p. [Istoriya GULAGa, 1918—1958: sotsial'no-ekonomicheskii i politiko-pravovoi aspekty. Institut ros. Istorii RAN. — Moscow: Nauka, 2006. 438 s.] — (In Rus.)

6. Ivanov, D. I. Theory of Cognitive-Pragmatic Programs. — Ivanovo : Presto, 2019. 312 p. [Teoriya kognitivno-pragmaticheskikh programm. — Ivanovo : PresSto, 2019. 312 s.] — (In Rus.)

7. Ivanov, D. I. The "Duty" of the Soviet Man: the Experience of Reconstruction of the Concept (on the Material of Kinotext) // Sociological Studies. 2020. No. 2. P. 105—114. [«Dolg» sovetskogo cheloveka: opyt rekonstruktsii ponyatiya (na materiale kinoteksta) // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2020. № 2. S. 105—114.] — (In Rus.)

8. Kazydub, N. N Discursive space as a fragment of the linguistic picture of the world (theoretical model): monograph. — Irkutsk : IGLU, 2006 . 216 p. [Diskursivnoye prostranstvo kak fragment yazykovoy kartiny mira (teoreticheskaya model'): monografiya. Irkutsk : IGLU, 2006. 216 s.] — (In Rus.)

9. Koleva, G. Y. The Logic of 1930s' Repression. Within the Former Tobolsk Province // Bulletin of Tomsk State University. 2018. No. 437. P. 124—135. [Logika repressii kontsa 1930-kh gg. V predelakh byvshei Tobol'skoi gubernii // Vestnik Tomskogo gosgosudarstvennogo universiteta. 2018. № 437. S. 124—135.] — (In Rus.)

10. Lasswell, G. Language of Power // Political Linguistics. 2006. No. 20. P. 264—280. [Yazyk vlasti // Politicheskaya lingvistika. 2006. № 20. S. 264—280.] — (In Rus.)

11. Lenin, V. I. How to Organize a Competition // V. I. Lenin. Complete works, in 55 vols, edit 5. — Moscow : Potizdat, 1974. Vol. 35. P. 202—215. [Kak organizovat' sorevnovanie // Poln. sobr. soch.: v 55 t. Izd. 5. T. 35. M.: Politizdat, 1974. S. 202—215.] — (In Rus.)

12. Luchenkova, E. S. The Humanistic Ideas of Marxism and Their Failure During the Construction of Socialism // Marx and Marxism in the context of modernity : materials of the international scientific Conf., dedicated to the 200th anniversary of the birth of Karl Marx (1818—1883). — Minsk, April 26—27, 2018 / Belarusian State University. — Minsk : BSU, 2018. — P. 273—275. [Gumanisticheskie idei marksizma i ikh nesostoyatel'nost' v period stroitel'stva sotsializma // Marks i marksizm v kontekste sovremennosti: materialy mezhdunar. nauch. konf., posvyashch. 200-letiyu so dnya rozhdeniya K. Marksa (1818—1883). Belorus. gos. un-t. Minsk : BGU, 2018. S. 273—275.] — (In Rus.)

13. Plotinsky, Y. M. Models of Social Processes: A Textbook for Higher Education Institutions. — Moscow : Logos, 2001. — 296 p. [Modeli sotsial'nykh protsessov: Uchebnoe posobie dlya vysshikh uchebnykh zavedenii. M. : Logos, 2001. 296 s.] — (In Rus.)

14. Revzina, O. G. Language and text : monograph. — Moscow : MAKS Press, 2020. 560 p. [Yazyk i tekst: Monografiya. — M.: MAKS Press, 2020. 560 s.] — (In Rus.)

15. Romanenko, K. K. 1937's Salvation. How the USSR Was Tempered. — Moscow : Yauza-press, 2012. 288 p. [Spasitel'nyi 1937-i. Kak zakalyalsya SSSR. — M. : Yauza-press, 2012. 288 s.] — (In Rus.)

16. Solzhenitsyn, A. I. The GULAG Archipelago, 1918-1956: Experience of Artistic Research. — Moscow : Education, 2010. 512 p. [Arkhipelag GULAG, 1918—1956: Opyt khudozhestvennogo issledovaniya. — M. : Prosveshchenie, 2010. 512 s.] — (In Rus.)

17. Chudakova, M. O. New works. 2003—2006. — Moscow : Time, 2007. — 557 p. [Novyye raboty. 2003—2006. — M.: Vremya, 2007. 557 s.] — (In Rus.)

18. Shalamov, V. T. Tatar Mullah and Clean Air // Collected works in four volumes. Vol. 1. — M.: Fiction, Vagrius, 1998a. P. 84—90. [Tatarskii mulla i chistyi vozdukh // Sobraniye sochineniy v chetyrekh tomakh. T.1. — M.: Khudozhestvennaya literatura, Vagrius, 1998a. S. 84—90.] — (In Rus.)

19. Shalamov, V. T. Red Cross // Collected works in four volumes. Vol. 1. M.: Fiction, Vagrius, 1998b. P. 141—148. [Krasnyi krest // Sobraniye sochineniy v chetyrekh tomakh. T.1. M.: Khudozhestvennaya literatura, Vagrius, 1998b. S. 141—148.] — (In Rus.)

20. Shalamov, V. T. Packed lunch // Collected works in four volumes. Vol. 1. — M.: Fiction, Vagrius, 1998c. P. 46—47. [Sobraniye sochineniy v chetyrekh tomakh. T.1. M.: Khudozhestvennaya literatura, Vagrius, 1998c. S. 46—47.] — (In Rus.)

21. Shalamov, V. T. Letter to A. I. Solzhenitsyn // Dossier on censorship. The country and its prisoners. 1999. No. 7/8. P. 274—279. [Pis'mo k A. I. Solzhenitsynu // Dos'e na tsenzuru. Strana i ee zaklyuchennye. 1999. №. 7/8. S. 274—279.] — (In Rus.)

22. Yakimova, E. V. The Theory of Social Representations In Social Psychology. Discussions of the 80—90-s. — Moscow : INION, 1996. 115 p. [Teoriya sotsial'nykh predstavlenii v sotsial'noi psikhologii. Diskussii 80—90-kh godov. M. : INION, 1996. 115 s.] — (In Rus.)